Автор: Оргкомитет
24.03.2013 21:41

Живет в Красноярске (Россия). О себе: "По отзывам современников, Пушкин – это наше всё, Бродский – это наше кое-что, Клиновой – это наше чёрти что. А если серьёзно... Поэт. Дипломант «Илья-премии», лауреат премии Фонда им. В.П.Астафьева. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Новая юность», «Октябрь», «День и ночь» и др. Автор книг стихов «Шапито» (2000), «Античность» (2004), «Осязание» (2009). Член Союза российских писателей, член Русского ПЕН-центра."

ГЕРОСТРАТ

Начинался, как Иствудом вестерн,
и, как Холмсом затролленный Ватсон,
любопытствовал в сотни отверстий,
и не знал, что уметь волноваться

станет самым полезным уменьем,
привлекающим тонны вниманья
даже к смятой и брошенной тени,
но, увы, не добавит мне money.

Грыз гранит, измеряя в каратах
вес того, что ещё не воспето,
и дорожка пошла кривовато –
кардиоидой горе-поэта.

А перила в подъезд мирозданья
обвивали чужие растенья,
и дурацкая скромность тристанья
не давала оставить на стенах

ни штриха от зудящих граффити
(мне казалось, что этой планете
не хватает виньеточки в виде
октопода на велосипеде).

Но я с собственным сердцем судился
и, в конце-то концов, с ним развёлся:
словно на́ пол упавшая гильза,
из меня вышла ржавая польза.

Болью вскрыт, как консервная банка,
и внутри – ни слезинки ребёнка,
я готовился выстрелить в Данко,
но внезапно закончилась плёнка.

Я остался вне света софитов:
не софт-тачев, не глянцев, не матов.
За вершину словесности выдав
горстку обезображенных матов,

я бы мог продолжаться и длиться,
под чужими софитами греться,
всё воздушнее с каждой страницей –
вхолостую накручивать герцы.

Но на кой мне такие концерты,

если Данко – живой, а я – мёртвый?!
Так что лучше – подальше от центра,
от экватора и от аорты –

стать колоссом на денатурате,
как тэ-тыща на жидком азоте,
неподвластным любви и гранате,
но подвергнутым подлой гарроте;

чтобы рифмы сквозь поры сочились,
чтобы те, кто стихам причащались,
всё глотали бы яростный чили
вперемешку с лимоном печали;

чтоб стихи зазвучали с эстрады,
чтобы тыкали пальцем в юрода,
маркачэпмэна и геростратa,
через бред не нашедшего брода.

ВЕСНА. РАССВЕТ

Эта ночь, как битум. Голимый ритм
Остаётся тем, кто, как я, разбитым,
Искалеченным, вляпался в эту ночь.
Я смотрелся бы кларковским монолитом,
Если город бы кто-нибудь обесточил,
Но я знаю столько прекрасных строчек,
Что никто не в силах уже помочь.

И нельзя ни телом упасть, ни мелом
Обвести себя, чтобы кто-то вдруг
Не сказал: «Тебе-то какое дело
До других смотрящихся в парабеллум?!
Не спасёт, а только спасует круг».

И стоим, упёршись друг в друга лбами,
И пространство скомкано в оригами;
Саундтрек заскробблен на ласт.фм;
Между нами втиснутое цунами,
Корча скорбный смайлик, захочет к маме,
Потому что смайлик-то – Полифем.

Эта ночь – арена, хотя не цирк.
В ней давным-давно не хватает зірок,
Но зато полно в хромакее дырок,

Сквозь которые хочется зырк да зырк.
Я бы мог ещё накопать придирок,
Только я и так уже, как придурок,
Битый час бодаю стеклопакет,
Жду, пока покроются партитурой
За окном деревья. Весна. Рассвет.

* * *

Поэты уходят в рыцари чёрного ёрничества.
А.Вознесенский

Сбыча мечт превращается в сбычу нечт.
Это всё, чему я научился у dolce vita,
Потому корыто моё разбито, и мне обидно,
Что её ладони моих не коснутся плеч.

Только это не повод устраивать тут концерт.
Всё равно другая ко мне прибежит на цырлах,
Посскворчит и ляжет, раздвинется, точно циркуль,
И моя тоска сконцентрируется в конце.

А ведь если б кто-то рядом со мною лёг
Не на тему секса, но нежности не отринув,
Лунный луч Тристана приняв за её доктрину,
Может, я и не был бы одинок.

Впрочем, нет. Я мрачен, жесток и сложен:
В нотной грамоте нет подходящего мне ключа,
А мои остроты черствее того меча.
Рыцарь чёрного ёрничества. И всё же,

От разлук намеренных и от случайных встреч –
То ли dolce vita, то ли не dolce,
Только я всё равно, точно ёж, игольчат,
И, в конце концов, сяду за сбычу мечт.

Страница автора в Сети